

В. П. АДРИАНОВА-ПЕРЕТЦ

Древнерусские литературные памятники в югославянской письменности

1

Обширная тема русско-югославянских литературных взаимоотношений издавна привлекала к себе внимание славянской филологии, причем рассмотрение этих взаимоотношений шло по преимуществу в одном направлении — изучались югославянские воздействия на литературу древней Руси. Среди исследователей, поставивших одной из своих задач определить объем и пути проникновения памятников русской литературы на славянский юг, заметно выделяется крупнейший знаток русских и югославянских рукописных собраний акад. М. Н. Сперанский. Поэтому с таким интересом было встречено издание его неопубликованных статей 1920—1930-х годов,¹ дающих новый материал для суждения о переходе на славянский юг русских литературных памятников и русских переводов византийских произведений. За годы, прошедшие со времени написания покойным ученым этих статей, накопились новые данные, освещающие затронутые им вопросы,² шире стал круг исследователей, в разных направлениях изучающих культурные связи славянских народов, обмен литературным опытом между ними — от возникновения отдельных национальных литератур до расцвета социалистического реализма. Опубликование сборника статей М. Н. Сперанского, охватывающих материал с XI до XVIII в., несомненно оживит внимание к ряду вопросов русско-югославянских взаимоотношений, а богатые сведения, сообщаемые им, будут дополнены новыми наблюдениями. В настоящей заметке я коснусь лишь тех статей этого сборника, в которых речь идет о переходе памятников древнерусской литературы на славянский юг.

Этой теме посвящены следующие статьи сборника: «К истории взаимоотношения русской и югославянских литератур (русские памятники письменности на юге славянства)» (статья перепечатана в том виде,

¹ М. Н. Сперанский. Из истории русско-славянских литературных связей. Сборник статей. Учпедгиз, М., 1960 (далее: Сперанский), 234 стр.

² Обзор новейших болгарских работ на эту тему дан в статье: В. Велчев и С. Русакиев. Изучаване на руско-българските и съветско-българските литературни връзки за петнадесет години. — Годишник на Софийския университет. Филологически факултет. Том XIV, 2, 1959, стр. 95—97. В этой статье отмечается и большое значение той задачи, какую формулировал Д. С. Лихачев применительно к изучению так называемого второго югославянского влияния в России: «Чрезвычайно важным представляется всесторонне изучить вопрос об органичности сочетания второго южнославянского влияния в России с русским влиянием в южнославянских странах» [Д. С. Лихачев. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. (IV Международный съезд славистов. Доклады). М., 1958]. См. также библиографию по этому вопросу в книге: Боню Ст. Ангелов. Из старата българска, руска и сръбска литература. София, 1958 (далее: Б. Ст. Ангелов. Из старата), стр. 194—195, прим. 2.

в каком она впервые была опубликована в 1923 г.), «Русские памятники письменности в югославянских литературах XIV—XVI вв.» (издается по автографу 1938 г.) и «Югославянские тексты „Исторической Палеи“ и русские ее тексты» (издается по авторизованной машинописной копии 1935 г.).

Все эти статьи не только расширяют наше представление о русско-югославянских взаимоотношениях до XVI в. включительно, сообщая ряд прочно установленных фактов перехода произведений русской литературы и письменности на славянский юг. Самой тщательностью филологического анализа они предупреждают, насколько осторожным следует быть при установлении исторической связи между русскими и югославянскими списками одного и того же памятника, при определении путей перехода его из одной национальной среды в другую. Далеко не просто разобратся в причинах сосуществования в одном тексте разных языковых слоев, установить хронологическую последовательность их проникновения в памятник и тем самым определить язык начального текста. Большую ценность представляют наблюдения М. Н. Сперанского над лексикой таких переводных произведений, как апокрифическое «Житие Моисея», слова Григория Богослова и толкования на них и особенно «Историческая Палея». Страницы, отведенные этим наблюдениям над словарем переводных памятников, напоминают, как недостаточно еще разработан весьма важный вопрос об особенностях приемов перевода, характерных для югославянской и русской письменности и литературы. Между тем для построения истории стилистики — древнерусской и югославянской — имели бы первостепенное значение наблюдения над способом передачи иноземных оригиналов средствами каждого из славянских языков.

Статьи М. Н. Сперанского заставляют вспомнить об одном серьезном пробеле, затрудняющем построение насыщенной конкретными фактами истории русско-югославянских литературных взаимоотношений: о том, что содержание многих старинных рукописей и русских, и югославянских древлехранилищ еще недостаточно полно раскрыто, а частью они и вовсе научно не описаны. Непосредственное знакомство даже с теми рукописями, которые уже вошли в научные описания, нередко открывает новые факты из истории общения восточных и южных славян. Но эти находки обнаруживаются более или менее случайно, напоминая о необходимости систематического постатейного научного описания всего сохранившегося рукописного материала.

Еще одно обстоятельство затрудняет в настоящее время извлечение необходимого для историка русско-югославянских взаимоотношений материала через описания рукописей. Нередко в них отсутствуют определения языка текстов, так называемых «изводов» для старшего периода, когда особенно часто одни и те же памятники бытовали в русской, болгарской и сербской письменности, и задача исследователя состоит в том, чтобы определить, откуда пошел путь этих памятников по соседним странам. Конечно, прав М. Н. Сперанский (стр. 14—15), когда предупреждает, что даже и внимательное изучение языка югославянских текстов не всегда открывает возможность точно установить, куда раньше пришел данный русский текст — к болгарам или сербам. Однако указание на «извод» в описании значительно облегчило бы и ускорило самый подбор фактов, подлежащих изучению, хотя и не заменило бы непосредственного знакомства с рукописями для дальнейшего исследования всех вопросов, возникающих у историка русско-югославянских литературных связей.

Плодотворная работа М. Н. Сперанского над выявлением фактов перехода русских литературных памятников на славянский юг была продолжена в 1940—1950-х годах главным образом болгарскими исследователями. К списку произведений, изученных М. Н. Сперанским, добавилось некоторое количество оставшихся вне поля его зрения текстов. Возникает потребность в подведении итогов наблюдений, разбросанных по разным статьям, и прав Б. Ст. Ангелов (Из старата, стр. 195), когда он считает очередной важной задачей собирание и издание отдельной книгой тех произведений древнерусской литературы, которые проникли в Болгарию, мы бы добавили — вообще на славянский юг. Задача настоящей статьи скромнее: свести воедино факты, подтверждающие переход русских оригинальных и переводных памятников XI—XVII вв. на славянский юг, установленные М. Н. Сперанским и продолжившими его работу славистами. Не всегда, как увидим, исследователям удастся более или менее точно определить время перехода данного памятника в югославянскую письменность, поэтому при обзоре придется в расположении материала учитывать два признака: время появления данного произведения в русской литературе и более или менее точную датировку переноса его на славянский юг.

2

В первой статье сборника — «К истории взаимоотношения русской и югославянских литератур» — М. Н. Сперанский доводит старший период общения русской и югославянских литератур до возникновения так называемого «второго южнославянского влияния», начиная обзор с русских литературных произведений XI в.

I. Служба Борису и Глебу, сложенная митрополитом Иоанном I не позднее 1039 г. (год смерти Иоанна), перешла на славянский юг в составе июльской служебной минеи, возможно уже в XII в., но сохранилась в сербской служебной минее XIII—XIV вв. собрания Хлудова, № 160, списанной с русского текста минеи (Сперанский, стр. 15—16). Опубликованные Б. Ст. Ангеловым (Из старата, стр. 190—200) в 1958 г. по рукописи XVI в. молдавского письма Библиотеки Румынской Академии наук, № 82, тропарь и кондак Борису и Глебу показывают, что на славянском юге были известны и другие редакции службы, сложенной в XI в. Тропарь воспроизводит текст службы, дополненной в XII в., а кондак взят из службы на перенесение мощей Бориса и Глеба, возникшей не позднее 1191 г.³

Популярность культа Бориса и Глеба на славянском юге подтверждается и ранним распространением проложного жития братьев, которое известно во многих списках.⁴ Это житие признается исследователями югославянской редакцией, составленной на основании Сказания о Борисе и Глебе, приписывавшегося иногда мниху Иакову и датированного или 1070—1071 гг., или первой половиной XII в. Таким образом, косвенно заключаем, что и Сказание уже до XIV в., к которому относятся старшие юго-

³ Д. И. Абрамович. Жития св. муч. Бориса и Глеба и службы им. — Памятники древнерусской литературы, вып. 2. Пгр., 1916, стр. XXI, XXII, 162, 174.

⁴ А. И. Яцимирский. Мелкие тексты и заметки по старинной южнославянской и русской литературам. LXXI. — ИОРЯС, т. XXI, кн. 1 Пгр., 1916, стр. 194—201. Здесь же издано житие Бориса и Глеба по Лесновскому Прологу 1330 г. (стр. 197—198). Сказание о перенесении их мощей по спискам XIV в. Берлинской королевской библиотеки, №№ 37 и 38 (стр. 198—199), Сказание о убийстве Глеба по Прологу конца XVI в. церкви св. Николая в Брашове, № 314 (стр. 199—200). Лесновский текст переиздан в книге: Б. Ст. Ангелов. Из старата, стр. 200, прим. 1. По сообщению Д. С. Лихачева, в Тырнове сохранились изображения Бориса и Глеба.

славянские списки проложного жития, было знакомо на славянском юге. В составе Пролога перешло сюда и Сказание «о убиении» Глеба, известное по сербскому Прологу XIII в. (собрание Уварова, № 973) и проложная югославянская редакция Сказания о перенесении мощей Бориса и Глеба.

Среди рукописей Синайского монастыря имеется русский Паримийник XV в. (№ 11), в конце которого приписано «Чтение» о Борисе и Глебе Нестора. Отрывок этого «Чтения» вошел в собрание рукописей Порфирия и хранится в настоящее время под шифром F.1, № 590 в ГПБ. На Синае встречались представители разных православных стран, в том числе с XIV в. известны сношения синаитов с Русью, шел сюда поток паломников и рукописей и со славянского юга. Через них, возможно, хранившиеся в монастыре русские рукописи становились известны и южным славянам.⁵

В монастыре Крушедола есть сборник XV в. «сербской редакции», в котором наряду с другими русскими сочинениями старшего периода читаются два слова похвальных Борису и Глебу — под 2 мая и 24 июля.⁶

II. «Слово о законе и благодати» митрополита Киевского Илариона несомненно было известно во второй половине XIII в. в сербской литературе монаху Доментиану, использовавшему его в 1264 г. в житии Симеона сербского, хотя списков этого слова на славянском юге неизвестно (Сперанский, стр. 16—17). Учитывая, что Доментиан жил на Афоне в Хиландарском монастыре, можно предположить, что именно там он познакомился с русским памятником и воспользовался им. Но и целиком произведение Илариона, по-видимому, также переписывалось для югославянского читателя. На такое предположение наводит тот факт, что другое сочинение, связываемое в рукописной русской традиции с именем Илариона «великого, святого, преподобного, черноризца или исповедника» (Сперанский, стр. 17), в сербском списке Петковича XIV—XV в. прямо усвоено Илариону митрополиту Киевскому.⁷

«Наказание к отрешившимся от мира» (или «Послание к брату столпнику», «Слово о пользе душевной»),⁸ кроме сербского списка Петковича XIV—XV в., известно по среднеболгарскому списку XVI в. Нямецкого монастыря, № 80, по мнению А. И. Яцимирского, переписанному с русского оригинала и содержащему еще ряд русских произведений XI—XII вв.⁹

III. «Слово о вере варяжской» Феодосия Печерского сохранилось в списках среднеболгарских, молдавского письма XV и XVI вв., собрания Нямецкого монастыря. Однако эти списки представляют старшую редакцию произведения, потому есть основание отно-

⁵ М. Н. Сперанский. Славянская письменность на Синае и в Палестине. — ИОРЯС, т. XXXII. Л., 1927, стр. 93—118; Н. Н. Розов. Южнославянские рукописи Синайского монастыря. — Научные доклады высшей школы. Филологические науки. М., 1961, № 2, стр. 134.

⁶ Б. Ст. Ангелов. Из историята на руското културно влияние в България (XV—XVIII вв.). — Известия на Института за българска история. София, 1956 (далее: Б. Ст. Ангелов. Из историята), стр. 302.

⁷ Об этой рукописи см.: М. П. П-ий. Иларион, митрополит Киевский, и Доментиан, иеромонах Хиландарский. — ИОРЯС, т. XIII, кн. 4. СПб., 1908, стр. 81—133.

⁸ О списках и заглавиях этого «слова» см.: Н. К. Никольский. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.). СПб., 1906, стр. 91 и сл. Вопрос о принадлежности этого «слова» Илариону не может считаться окончательно решенным.

⁹ А. И. Яцимирский. Славянские и русские рукописи румынских библиотек. — СОРЯС, т. LXXIX. СПб., 1905, стр. 775—778; ср.: Б. Ст. Ангелов. Из историята, стр. 299.

силь переход его в болгарскую письменность старшего периода, XII—XIV вв.¹⁰

Сведения о жизни Феодосия Печерского рано перешли в югославянскую письменность. Написанное Нестором Житие Феодосия Печерского известно уже по сербским спискам XIII—XIV и XIV вв. (собрания Румянцевского музея, № 319; Хлудова, № 189), хотя и в значительно сокращенном виде. Видимо, в XII—XIII вв. это житие полностью стало известно в Болгарии, здесь было сокращено, а затем перешло в сербскую письменность (Сперанский, стр. 23—25).

Б. Ст. Ангелов (Из старата, стр. 202—212) подтверждает такую датировку и подчеркивает особую важность самого факта существенной переделки русского сочинения на болгарской почве: этот факт свидетельствует о творческом использовании чужеземного памятника. Вторично, еще более кратко это житие было изложено со ссылкой на русский источник — «От патерика рускаго, глава II» — «южнославянским или румынским деятелем» позднее: старший текст этой версии опубликован по списку 1505 г. Вилковской на Дунае молельни.¹¹ Не свидетельствует ли заглавие этого текста о том, что Патерик Киево-Печерский к XVI в. уже был известен целиком на славянском юге? Не самостоятельно ли извлек эпизоды жития Феодосия из Патерика неизвестный книжник? Необходимо эту краткую версию сопоставить и со старшим извлечением из полного русского жития, и с самим текстом Патерика.

IV. Из сочинений Кирилла Туровского, по мнению М. Н. Сперанского, лишь два с очевидностью могут считаться перенесенными на славянский юг уже в старшем периоде: «Притча о белорице» («Повесть к Василию игумену Печерскому»), известная по сербскому списку XIII—XIV вв. «попа Драголя», и «Притча о человечьей души о телеси и о преступлении божиих заповедей и о воскресении телес человекь и о будущем суде и о муце» («Притча о слепце и хромце»), старший югославянский список которой дошел лишь от XVI в. (сборник Нямецкого монастыря, № 91).¹²

Что касается старшего сербского списка «Притчи о белорице», то следует внести некоторое добавление в характеристику его, данную М. Н. Сперанским (стр. 25 и 26), который называет этот список старшим «среди всех полных списков этого сочинения» и далее повторяет: «... текст этот сохранен в сербской копии целиком». Между тем в сербском списке недостает текста, который в лучшем русском списке собрания Титова, № 2074 (522), занимает листы 317—начало 320. Таким образом, последняя часть текста в сербской копии отсутствует.¹³ В дополнении нуждается и определение ценности сербского списка по отношению к авторскому оригиналу. М. Н. Сперанский (стр. 26) отмечает лишь, что этот список «дает в нескольких случаях лучшие чтения, нежели известные русские, как текст более близкий к оригиналу». Однако в этом списке есть

¹⁰ Сперанский, стр. 19—20; ср.: Б. Ст. Ангелов. 1) Из историята, стр. 299; 2) Из старата, стр. 213—218.

¹¹ А. И. Яцимирский. Из истории славянской письменности в Молдавии и Валахии XV—XVII вв. — ПДПИ, т. CLXII. СПб., 1906, стр. СІХ, 159—160; вторично: Б. Ст. Ангелов. Из старата, стр. 211—212, прим. 1.

¹² А. И. Яцимирский. Из истории славянской письменности в Молдавии и Валахии XV—XVII вв., стр. 148—150; ср.: Б. Ст. Ангелов. Из историята, стр. 307.

¹³ См. новейшее издание сочинений Кирилла Туровского: И. П. Еремин. Литературное наследие Кирилла Туровского. — ГОДРА, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 353—354. Неточно называет И. П. Еремин и сербский список «отрывком», все же большая часть текста в нем передана полностью, видимо, в конце рукописи утеряны листы, так как изложение обрывается на середине цитаты из евангелия.

и ряд явно ошибочных чтений. На эти ошибки обращает внимание И. П. Еремин, обходя в то же время примеры несомненно более исправных чтений, поэтому и его характеристика сербского списка также несколько односторонняя: наравне с отрывком из Златой Цепи сербский список «не принадлежит к числу лучших».¹⁴ Впрочем, при издании текста И. П. Еремин правильно использовал в вариантах этот список.

Разбирая вопрос об отношении «Притчи о слепце и хромце» Кирилла Туровского к проложной статье на ту же тему, сохранившейся в болгарском сборнике Берлинской королевской библиотеки XIII в., М. Н. Сперанский колеблется в определении происхождения притчи этого сборника. В настоящее время можно считать доказанным, что обе версии «Притчи о слепце и хромце», приписываемая Кириллу Туровскому и читающаяся в Берлинском сборнике, восходят к общему оригиналу — болгарской притче.¹⁵

Не останавливаясь на югославянских списках других сочинений Кирилла Туровского, М. Н. Сперанский (стр. 25, примеч. 54) лишь упоминает, что с XVI в. в рукописях встречается имя этого автора, причем отмечает, что наименование его «мнихом» «может указывать, как и в русских текстах, на старую письменную традицию, близкую по времени жизни самого Кирилла». В настоящее время обнаружено несколько югославянских рукописей, содержащих слова и молитвы Кирилла Туровского.

В сборнике собрания Гильфердинга (ГПБ, № 19) XVI в., сербского письма, найденном в Старой Сербии, содержится «Слово на Вознесенье».¹⁶

В Народной библиотеке имени В. Коларова в Софии есть сборник № 320, в котором содержатся четыре слова Кирилла Туровского: «Слово блаженного Кирила о расслабленном» (л. 212 об.), «Слово в неделю пятую по Пасце» (л. 216), «Слово святого Иоанна Златоуста в неделю шестую по Пасце» (в заглавии имя Иоанна Златоуста поставлено по ошибке: это «слово» принадлежит Кириллу Туровскому), «Слово zelo похвально на Възнесение господне бога и спаса нашего Иисуса» (по наблюдениям Д. С. Лихачева, это «слово» совпадает со «словом» Кирилла Туровского на «собор св. отец 300 и 18»)¹⁷.

В той же библиотеке в сербской рукописи, № 7 (494), читаются молитвы Кирилла Туровского (см.: Б. Ст. Ангелов. Из старата, стр. 219—226). В сборнике сербского письма Белградской народной библиотеки, № 306, 1619 г. сохранились молитвы Кирилла Туровского с фонетическими сербизмами в языке.¹⁸

В. М. Н. Сперанский отмечает переход на славянский юг ряда переводов, сделанных на Руси не позднее XIII в. и в то же время освоенных

¹⁴ И. П. Еремин. Литературное наследие Кирилла Туровского. — ТОДРА, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 346.

¹⁵ И. П. Еремин. Притча о слепце и хромце в древнерусской письменности. — ИОРЯС, т. XXX. Л., 1925, стр. 323—337; ср.: Йордан Иванов. Български старини из Македония. София, 1931 (старое издание: София, 1908); см. ссылку на его мнение, совпадающее с точкой зрения И. П. Еремина: Б. Ст. Ангелов. Из историята, стр. 307, прим. 6.

¹⁶ Перечень списков этого «слова», в котором указана и данная рукопись, см.: И. П. Еремин. Литературное наследие Кирилла Туровского. — ТОДРА, т. XI, стр. 360; см. также: Н. Н. Розов. Южнославянские рукописи Государственной Публичной библиотеки. — Труды ГПБ, т. V (8), Л., 1958, стр. 107.

¹⁷ Указание на этот сборник см.: Д. С. Лихачев. Отчет о командировке в Болгарию. — ИОЛЯ, т. XVIII. М., 1959, вып. 5, стр. 457. — За сообщение сведений о «словах» Кирилла в сборнике № 320 приношу благодарность Д. С. Лихачеву.

¹⁸ М. И. Соколов. Некоторые произведения Кирилла Туровского в сербских списках. — Древности. Труды Славянской комиссии Московского археологического общества, т. III. М., 1902, стр. 235—236.

болгарской и сербской письменностью. В ряду этих переводов должно быть названо и сочинение, связанное с именем Иоанна II, митрополита Киевского, датируемое восьмидесятыми годами XI в., — «Канонические ответы». Вряд ли следует называть это сочинение «русским произведением XI в.» (Сперанский, стр. 21). Как справедливо указывает М. Н. Сперанский (стр. 22), Иоанн II, «грек по происхождению и воспитанию, свои „Ответы“ писал первоначально по-гречески», несомненно по греческим источникам; затем по его поручению «Ответы» были переведены для русского духовенства, и этот-то перевод не позднее XIII в. перешел в Болгарию, но сохранился лишь в позднем списке XVII в. собрания Гильфердинга, № 42 (Сперанский, стр. 22).

К тому же разряду сочинений, содержащих церковные и частью гражданские постановления, выработанные христианской властью феодальной Византии и затем освоенные славянскими народами после их христианизации, принадлежал Номоканон, или Кормчая книга. Перевод этой книги в конце XII или в начале XIII в. был сделан, видимо, русским монахом в одном из монастырей на Афоне с греческого языка. Этот перевод и получил затем, не позднее XIII в., распространение у южных славян (Сперанский, стр. 33). Возможно, русский перевод византийского монастырского устава («Типик») лежит в основе сербского Хиландарского типика, сохранившегося в списке XIII в. (Сперанский, стр. 34).

Пролог, широко распространенный в русских и югославянских списках уже с XII в. [по мнению Сперанского, не позднее как с середины века (стр. 36)], по вероятному предположению, был переведен совместно русским и югославянином (Сперанский, стр. 41).¹⁹ В рамках Пролога сохранился некоторое число не только памятней, о русских святых, но и сказаний о них, старшие из которых были включены и в югославянские списки уже вскоре после перевода всего памятника, и во вторую его редакцию. Так, в списке XIII—XIV вв. уже читаются память и сказание о князе Мстиславе Владимировиче (ум. в 1132 г.), памяти и сказание о княгине Ольге (во второй редакции). Проложное житие Ольги особой редакцией читается в югославянском Прологе XIII—XIV в. (ГПБ, Q. I, 63).²⁰ В том же Прологе читаются жития Федора Варяга и князя Владимира Святославича. Во вторую редакцию Пролога было включено сказание об усении Феодосия Печерского. В позднейших югославянских Прологах встречается широко распространенная на славянском юге русская статья — легенда о посещении Руси апостолом Андреем. Эта статья читается в Прологе сербской редакции XVI в. собрания П. И. Шафарика (см.: Б. Ст. Ангелов. Из историята, стр. 300).

Переведенный с греческого на Русь в XII—XIII вв. сборник изречений античных и христианских писателей — Пчела — не позднее XIV в. перешел в болгарскую, а оттуда в сербскую письменность (Сперанский, стр. 42—44), причем есть основание полагать, что в болгарской письменности русский перевод уже в XIII—XIV вв. был оттеснен новым переводом, сделанным в Болгарии и позднее перенесенным и в Сербию. Под вопросом еще остается место перевода другого сборника изречений, в ру-

¹⁹ Против этого вывода привел некоторые возражения В. Мошин в статье: *Slavenska redakcija Prologa Konstantina Mokisijskoga u svijetlosti vizantijsko-slovenskih odnosa XII—XIII vieka: — Zbornik Historijskog instituta Jugoslavenske akademije*. Zagreb, 1959, в. 2, стр. 17—68; о переводе Пролога см. в статье В. Мошина в настоящем сборнике, стр. 71—72.

²⁰ Е. Э. Гранстрем. Описание русских и славянских пергаменных рукописей. *Рукописи русские, болгарские, молдавлахийские, сербские*. Л., 1953, стр. 82; ср.: Б. Ст. Ангелов. Из старата, стр. 195—197.

кописной традиции постоянно стоящего рядом с Пчелой, — «Менандра мудрого» афоризмов. Хотя старший русский список этого сборника относится уже к XV в., тогда как сербский датируется XIII в., однако русский текст сохраннее, наряду с характером языка это позволяет предполагать, что перевод сделан на Руси в домонгольский период (Сперанский, стр. 44—45). Видимо, только глубокое изучение языка всех переводов, сделанных в XI—XIV вв. на Руси и на славянском юге, позволит получить настолько убедительные признаки, характеризующие каждую из групп переводов, что явится возможность решить спор и о языке перевода изречений Менандра, и все еще вызывающее сомнения утверждение о совместной работе над переводом Пролога русского и югославянина.

Еще в статье 1923 г. М. Н. Сперанский наметил необходимость изучения всего цикла сказаний о чудесах Николы, в котором не разграничены с полной отчетливостью группы переводов греческих рассказов, сделанных югославянскими и русскими книжниками. С несомненностью признается перешедшим не позднее XIII—XIV вв. к южным славянам — сначала в Болгарию, а оттуда в Сербию — русский перевод чуда об Агриковом сыне Василии (Сперанский, стр. 48—49). В статье 1938 г. М. Н. Сперанский (стр. 99) уточняет свое наблюдение. Чудо об Агриковом сыне «впервые» могло быть переведено на славянском юге вместе с некоторыми другими чудесами. Перейдя на Русь, эти сказания «подверглись новой справе с греческими текстами», и в таком исправленном виде они вернулись на славянский юг. Первоначальный перевод в рукописях не сохранился, а дошедшие тексты, в которых чаще всего встречается чудо об Агрикове сыне, обнаруживают русизмы в языке.

Русским по происхождению является частью опирающееся на переводные источники «Сказание о перенесении мощей Николая в Барград», известное в трех версиях. Югославянские тексты всех версий идут, по наблюдениям М. Н. Сперанского (стр. 100), от русских.

К числу чудес Николы, не сохранившихся в старшем югославянском переводе, но опирающихся в югославянских списках на этот перевод в уже исправленном на Руси виде, относятся следующие сказания: о юноше Николае, о трех воеводах, об изгнании беса из хижины, о трех воинах. Соотношение этих текстов с русскими предстоит еще детально изучить (Сперанский, стр. 101).

Не позднее 1230-х годов была переведена на Руси Повесть об Акире, по-видимому с сирийского оригинала. Время перехода этого перевода на славянский юг (сохранились только сербские списки, но в них есть следы болгаризмов) может быть установлено лишь предположительно: вторая югославянская редакция этого перевода дошла в рукописи 1468 г., следы повести обнаруживаются в сербских памятниках первой трети XV в. Это дает основание М. Н. Сперанскому (стр. 46—47) причислять повесть об Акире к тем русским переводам, которые проникли на славянский юг до периода второго югославянского влияния.

К числу переводов, сделанных на Руси с греческого языка еще в домонгольский период, относится Житие Андрея Юродивого. М. Н. Сперанский отмечает, что несколько позднее это житие было еще раз переведено на славянском юге, и именно этот второй текст получил там распространение. Но извлечение одного эпизода из русского перевода — «Видение Андрея и Елифания во Влахерне» — известно ему было по сербскому списку XVI в. собрания Белградской народной библиотеки, № 80 (458). Появление этого извлечения и аналогичного, но взятого из другого русского же источника (печатной богослужебной книги), сохранившегося в поздней сербской рукописи того же собрания, № 22 (377),

1692 г., М. Н. Сперанский (стр. 97) ставит в связь с установлением на славянском юге празднования Покрова, что произошло «вероятно не позднее XVI в. (дата рукописи № 80)».

Эти наблюдения М. Н. Сперанского над судьбой русского перевода Жития Андрея Юродивого на славянском юге могут быть дополнены сообщением Б. Ст. Ангелова (Из историята, стр. 302), который отметил наличие полного текста этого жития в сербском списке XV в. с русского сборника (собрания монастыря Крушедола), содержащего ряд других русских оригинальных произведений домонгольского периода (чудо Николы в Киеве с детищем, два слова похвальных Борису и Глебу, легенда о посещении Руси апостолом Андреем).

Из попутно сделанных замечаний в статьях М. Н. Сперанского, устанавливающих переход русских произведений и русских редакций старых югославянских переводов в славянские литературы между XIV и XVI вв., извлекаем дополнительно два факта, еще не исследованные ни самим ученым, ни продолжателями его труда. Ко времени не ранее XV в., видимо, склонен относить М. Н. Сперанский (стр. 76, 84, 110) знакомство сербов с древнерусским переводом Хроники Георгия Амартола²¹ (сборник Сербской Академии наук, № 24/106, середины или первой половины XVI в.). В одном позднем — 1633 г. — сербском списке (Хиландарского монастыря, № 307) известна русская по происхождению Толковая Палая (Сперанский, стр. 106, прим. 1).

3

Со времени выхода в свет первой статьи М. Н. Сперанского (1923 г.), подводящей итоги его наблюдений над переходом русских оригинальных и переводных произведений на славянский юг, накопилось некоторое количество фактов, расширяющих наше представление о знакомстве южных славян с русской литературой XI—XIV вв. Однако эти новые факты извлечены из рукописей не старше XVI в., и пока не изучен основательно язык этих югославянских текстов, нет основания датировать переход данной группы памятников к южным славянам временем до XIV в. включительно. Исследователи помещают обычно эти факты в историю литературных взаимоотношений южных славян с русскими XV—XVII вв., частью даже начала XVIII в. В настоящем обзоре мы все же выделим эти факты в особую группу, чтобы дать полное представление о том, что сохранили югославянские рукописи из русских переводных и оригинальных произведений XI—XIV вв. Значительная часть этих дополняющих наблюдения М. Н. Сперанского фактов содержится в работах Б. Ст. Ангелова, широко использовавшего описания югославянских рукописей, как местных, так и зарубежных собраний.

I. Из русских произведений XI в. Б. Ст. Ангелов отмечает в среднеболгарском сборнике XVI в. Нямецкого монастыря, № 91 (80), «Слово на перенесение мощей Николы» переяславского епископа Ефрема.²²

II. Из памятников XII в. в рукописном сборнике «болгарской редакции» XVI в. собрания Хиландарского монастыря, № 211, обнаруживающем особенно в языке «сильное русское влияние», Б. Ст. Ангелов (Из

²¹ В перечне русских переводов, пришедших в Болгарию, эту Хронику называет (без ссылки на рукопись) Б. Ст. Ангелов в статье «Начален период на проникване на руската книга в България» (Език и литература, год X, кн. 1 и 2. София, 1955, стр. 122).

²² Б. Ст. Ангелов. Из историята, стр. 299; см.: А. И. Яцимирский. Славянские и русские рукописи румынских библиотек, стр. 779.

историята, стр. 299—300) отметил «Хождение Даниила игумена в светый град Ерусалимь и в прочая света места». Необходимы более подробные сведения об этом списке, чтобы уточнить редакцию его текста и получить некоторые основания для определения времени перехода этого памятника на славянский юг.

III. Среди чудес Николы есть и сложные. очень рано на Руси. К их числу относится чудо в Киеве с детищем. В сборнике «сербской редакции» XV в., принадлежащем монастырю Крушедола, содержится рядом с другими русскими сочинениями старшего периода и это киевское чудо Николы.²³

IV. В сборнике XVI в. собрания Гильфердинга, № 19 (ГПБ), найденном в Старой Сербии, содержится Климента Смолятича «Слово похвальное» архистратигам Михаилу и Гавриилу.²⁴

V. В югославянских списках не сохранилось текстов «Моления Даниила Заточника». Однако Б. Ст. Ангелов отмечает «известную близость» к тому разделу этого произведения, где речь идет о «злых женах», двух поучений на эту тему (одно из них приписано Иоанну Златоусту), читающихся в Беляковской рукописи, № 309, XVI в. (собрание Народной библиотеки имени В. Коларова), и подборки изречений о злых женах в поздней рукописи конца XVIII—начала XIX в., № 354 (619), того же собрания.²⁵

VI. По-видимому, проф. П. Динеков предполагает, что болгары знали повесть «Девгениево деяние» через русский перевод, хотя болгарские списки его и не сохранились.²⁶

VII. Было ли известно средневековым югославянским литературам Слово о полку Игореве, привлекшее в XIX в. внимание болгарских и сербских переводчиков? Рукописная традиция славянского юга не дает материала для ответа на этот вопрос. Однако Б. Ст. Ангелов вспоминает одно из изречений Слова — «Луче жь бы потяту быти, неже полонену быти», — комментируя отрывок «сербской летописи» конца XIV в., воспроизводящий речь царя Лазаря перед Коссовской битвой: «Луче есть намь въ подвизе сьмрть нежели сь студом живот; луче есть намь въ браны мучную кончину подети, нежели плешта врагомь нашим подати».²⁷ К этому эпизоду исследователь привлекает в параллель и два отрывка из Ипатьевской летописи — слова Игоря: «Оже ны будеть не бивши ся возворотитися, то сором ны будеть пущей смерти, нь како ны бог даст»; «то от бога ны будеть грехь сих выдаваше поидемь. Но или умремь или живи будемь на единому месте» (Б. Ст. Ангелов. Из историята, стр. 313).

Очевидно, приведенный отрывок из «сербской летописи» должен быть тщательно изучен в связи со всем контекстом данного памятника, а главное — на фоне принятой в сербском историческом повествовании фразеологии, выражающей понятие воинской чести. Эта фразеология в целом

²³ Сава Петкович. Опис рукописа манастира Крушедола. Сремски Карловци, 1914, стр. 168. — Цит. по: Б. Ст. Ангелов. Из историята, стр. 302.

²⁴ Н. Н. Розов. Южнославянские рукописи Государственной Публичной библиотеки, стр. 107.

²⁵ Б. Ст. Ангелов. Из старата, стр. 155. В статьях 1955 г. Б. Ст. Ангелов называл «Послание Даниила Заточника» (без указания списков) в числе русских памятников, знакомых «балканским славянам»; см.: Начален период на проникване на руската книга в България, стр. 123; ср.: Б. Ст. Ангелов. Из историята на руското книжовно проникване у нас (XI—XIV века). — Известия на Института за българска литература, книга трета. София, 1955, стр. 57.

²⁶ См.: Стара българска литература, първа часть. София, 1950, стр. 155.

²⁷ Ст. Станојевич. [Рецензия на книгу] Историја срба. По доматчим и странним изворима и писцима израдио Милан С. Убавкич. — Летопис Матице српске. Књига 194, 1898, Свеска друга. У Новоме Саду, 1898, стр. 148, прим.

подлежит сравнению с русской, тогда лишь можно будет говорить о связи отдельных ее элементов с русскими «источниками».

VIII. Особого внимания заслуживает сохранившийся в собрании Хиландарского монастыря сербский список «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, точно датируемый записью писца 1585 г. Об этом списке и о других рукописях, содержащих текст сочинения Иосифа Флавия, дает подробные сведения статья Б. Ст. Ангелова «Иосиф Флавий в югославянских литературах» (см. стр. 255—261 данного сборника). К приведенному Б. Ст. Ангеловым описанию «Хиландарского II», по его терминологии, списка можно добавить некоторые предположительные соображения о том, что этот список помещался в сборнике вместе со Сказанием о Мамаевом побоище. Данные для такого предположения содержатся в рукописном собрании Порфирия (ГПБ, Q. IV, № 344). Эта рукопись, по описанию, «принадлежала Афонскому Хиландарскому монастырю, откуда и поступила в собрание преосв. Порфирия»,²⁸ причем «по помете тетрадей (42—46) видно, что настоящее сказание (о Мамаевом побоище, помещаемое на этих тетрадях, — В. А.-П.) составляло часть обширной рукописи». Указание на то, что содержалось в начале рукописи (тетради 1—41), дает запись на последнем листе оторванной от нее части, сделанная тем же почерком, каким перед ней засвидетельствована принадлежность всего сборника Хиландарскому монастырю: [«Смеренный игумень (Хиландарский) Гаврииль иеромонахъ. Лето 7190»]. Эта вторая запись представляет собой заклятие, которое должно было охранить рукопись от кражи: «Сиа книга Иосифъ от игумнарие Хиландарские и тко ее е отмити от вышеречение игумнарие, да е проклетъ от господа бога въседръжитела и пречистие богородице огну вечному да будетъ въжежение. Аминь, аминь, аминь». В описании после слова «Иосифъ» в скобках высказано предположение — «Иосиф Флавий?».²⁹

4

Статья М. Н. Сперанского «Русские памятники письменности в югославянских литературах XIV—XVI вв.» издана по автографу 1938 г. По отдельным темам, затронутым в статье, покойный исследователь выступал с докладами в 1910—1920 гг.

Выделение периода с XIV по XVI вв. М. Н. Сперанский (стр. 58) мотивирует тем, что, по его мнению, со второй половины XIV в., когда наблюдается оживление литературной деятельности в северо-восточной Руси, новые русские переводы с греческого (как покажем далее, и русские оригинальные произведения, — В. А.-П.) «находят доступ в югославянскую письменность». Данная статья М. Н. Сперанского посвящена почти исключительно русским переводам, сделанным не ранее XIII—XIV вв. и переданным на славянский юг.

I. Из русских литературных памятников, переход которых на славянский юг доказывает в настоящей статье М. Н. Сперанский, называется лишь «Повесть о взятии Царьграда латинянами в 1204 г.», которая, видимо, была известна на славянском юге через выборку статей о Царь-

²⁸ Отчет имп. Публичной библиотеки за 1883 год. СПб., 1885, стр. 49—50. — О том же сообщил сам Порфирий в своем описании пребывания на Афоне: «...она (рукопись Сказания о Мамаевом побоище, — В. А.-П.) досталась мне и хранится в моей библиотеке». Порфирий Успенский. Первое путешествие в Афонские монастыри и скиты в 1846 году, часть II, отделение первое. Киев, 1877, стр. 130.

²⁹ Описание дает здесь ссылку на книгу: Порфирий Успенский. Первое путешествие в Афонские монастыри и скиты в 1846 году, стр. 130—131.

граде из Еллинского летописца второй редакции. Знакомство с этой повестью обнаруживается в сербском компилятивном «Сказании о създании храма... Софии иже есть в Константине граде» (рукописи собрания В. И. Григоровича, №№ 68 и 104, в датировке которых есть колебание между концом XV—началом XVI и XVII вв.; см.: Сперанский, стр. 64—65). Основной источник этой сербской компиляции — «Сказание о построении Софии цареградской» — представляет собой русский перевод с греческого, сделанный не позднее XIII в. Еллинский летописец второй редакции, через который Сказание вошло в выборку, также сложен не позднее второй половины XIII в. Выборка статей о Софии цареградской из Еллинского летописца была сделана русским книжником (старшая русская рукопись ее относится к началу XV в., Софийское собрание, № 1264, ГПБ). Югославянская компиляция сложилась, видимо, в XV в., до взятия Константинополя турками в 1453 г. (Сперанский, стр. 67).

II. Ко второму потоку текстов, пришедших на славянский юг из русской письменности, М. Н. Сперанский относит ряд переводов апокрифических греческих сочинений, переведенных на Руси частью в домонгольское время, частью не ранее XIV—XV в.

Апокрифическое «Житие Моисея» («Исход Моисеев»), переведенное, судя по языку, в домонгольский период, известно в двух сербских списках: полном в рукописи Сербской Академии наук, № 106 (24), середины или первой половины XVI в., и дефектном (без начала и конца) в составе «Исторической Палеи» в рукописи собрания Севастьянова, № 43 (Румянцевский музей, № 1472) первой половины XVI в. Оба эти списка представляют старшую русскую редакцию памятника, которая была переработана в третьей четверти XV в. для Толковой Палеи и оттеснена в рукописной традиции этой новой версией. М. Н. Сперанский (стр. 76—77) предполагает, что на славянский юг «Житие Моисея» перешло в то же время, когда была передана сюда и «Историческая Палея» в ее «обруселой» редакции.

«Историческая Палея» уже в греческом тексте обильно украсила ветхозаветную историю в ее библейском изложении апокрифическими дополнениями. В XII в. был сделан перевод Палеи на болгарский язык, но этот перевод затерялся на славянском юге и сохранился лишь в русских текстах в обруселом виде. Затем эта обруселая редакция вернулась к южным славянам; она известна была М. Н. Сперанскому в четырех списках (из них один — отрывок), старший из которых датируется первой половиной XV в.³⁰ Этот старший список Троице-Сергиева монастыря, № 180 (1859), представляет собой копию с русского оригинала, сделанную Пахомием Сербом во время его жизни в Троице-Сергиевом монастыре (Сперанский, стр. 110); судя по записи 1443 г., копия сделана до этого года. Данный список, по мнению М. Н. Сперанского (стр. 110, 116), среди югославянских занимает особое место и их историю не разъясняет. Анализ текста остальных трех югославянских списков доказывает, что в их основе лежит русская редакция старого болгарского перевода Исторической Палеи (Сперанский, стр. 84, 123, 141—142). Однако в сербской письменности этот тип Исторической Палеи не получил широкого распространения, поэтому в XV—XVI вв. появились два новых перевода с греческого текста, сохраненные списками сербским Крушедольским (№ 8, XVI в.) и среднеболгарским молдавского письма (собрания Шу-

³⁰ Судьбе Исторической Палеи в русской и югославянской литературах посвящено в сборнике статей М. Н. Сперанского специальное исследование, выполненное в 1935 г., — «Югославянские тексты Исторической Палеи и русские ее тексты» (Сперанский, стр. 104—146).

кина, ГИМ, № 505, XVI в.) (Сперанский, стр. 112, 123—142). Список, сделанный Пахомием Сербом, представляет переработку русского текста Исторической Палеи: Пахомий «сокращал, выдвигая еще более фактическую сторону и внося более стройности в самое изложение» (Сперанский, стр. 143). М. Н. Сперанский предполагает, что эта переделка была одной из подготовительных работ Пахомия при составлении Хронографа, которой, однако, он не воспользовался, изложив там библейскую часть по иным источникам. Сокращение Исторической Палеи, сделанное Пахомием, не получило распространения ни в русской, ни в югославянской письменности (Сперанский, стр. 146—147).

К XV—XVI вв. М. Н. Сперанский относит переход на славянский юг группы легенд и апокрифов эсхатологического содержания, объединенных уже в русской письменности в сборниках. Такой цикл повторяется в сербской рукописи XVI в. Венской, бывшей Придворной библиотеки, № 125.³¹

Первая из статей этого цикла воспроизводит русское компилятивное сочинение, использовавшее ряд переводных произведений и возникшее не позднее XIII в. Этот полемический трактат против иудеев, обличающий их неверие в то, что Христос — ожидаемый ими мессия, известен в русских списках под заглавием «Словеса святых пророк о сыне божьи и схождении его на землю...»; особое распространение он получил в годы борьбы с ересью «жидовствующих» и позднее в период еретических движений (московская и новгородская ереси). В XV в. вместе со статьями эсхатологического содержания перенесенной на славянский юг оказалась и эта полемическая статья (Сперанский, стр. 86—89).

Группу апокрифов эсхатологического типа начинает в сборнике Откровение Мефодия Патарского памятник, принесенный со славянского юга в русскую литературу не позднее начала XII в., а затем в русском изводе в составе сборника вернувшийся обратно в сербскую письменность (Сперанский, стр. 90). Текст сербского сборника «Вопрошание апостола Варфоломея» разделен на две части [Сперанский (стр. 91) предполагает, что такое разделение произошло уже в русском оригинале, где, однако, части шли в обратном порядке]. Подобно предыдущим апокрифам, и «Вопрошание апостола Варфоломея» вместе с выделенным из него «Вопрошанием св. апостолов богородице» в сербском сборнике опирается на русскую редакцию югославянского перевода этого сочинения (Сперанский, стр. 93). Такова же была и судьба апокрифической «Книги Еноха»: переведенная (или скомпонованная из переводных источников) в Болгарии в XI—XII вв., она в русской письменности не позднее XIV в. была переработана в сокращенную редакцию, и в этом именно виде воспроизвел ее с русского оригинала Венский сборник. Такой же сербский текст этого апокрифа читается в рукописи Белградской народной библиотеки, № 151, конца XVI в. (Сперанский, стр. 93—94). Таким образом, весь сборник Венской библиотеки является примером того, как не позднее XVI в. возвращаются в русской редакции старые югославянские переводы с греческого, в старшем периоде переданные на Русь, а на родине утерянные.

III. В числе собственно русских переводов, перешедших на славянский юг, М. Н. Сперанский называет «Толкования Никиты Ираклийского на сочинения Григория Богослова». Этот перевод был сделан, видимо, не позднее XIII в. и на русской почве присоединен к югославян-

³¹ Наиболее близки по составу к сербскому сборнику сборники библиотеки Краинских в Варшаве (№ 408) XV в. и собрания А. И. Яцимирского (БАН, № 22) также XV в., см.: Сперанский, стр. 88.

253823

скому переводу шестнадцати «слов» Григория. В этом объединении вернулся в югославянскую письменность и старый перевод «слов», и добавилось в русском переводе толкование этих «слов». Старший список «слов» с толкованием известен на славянском юге от XV в., но самый переход их сюда произошел, видимо, еще в XIV в. На юге текст был сверен с греческим оригиналом и в этом виде опять передан в русскую письменность (Сперанский, стр. 63).

5

В исследованиях 1940—1950-х годов, в отличие от концепции М. Н. Сперанского, первый период проникновения русских текстов на славянский юг доводится до XIV в. включительно, а в следующем, захватывающем время с XV до XVIII в., конец XVI в. не устанавливается как резкая грань, после которой, по мнению М. Н. Сперанского (стр. 55), «постепенно возрастает воздействие русской литературы на югославянские». Подводя итог своим наблюдениям, Б. Ст. Ангелов (Из историята, стр. 322) приходит к выводу, что уже с XV в. «систематически и последовательно русское культурное влияние проникает и все больше и больше разрастается, в тесной связи с параллельно расширяющимся русским политическим проникновением на Балканы, преимущественно среди болгар, находящее свое отражение во всех проявлениях жизни болгарского народа. Это влияние выразилось главным образом в проникновении русских произведений в нашу литературу и письменность в XV—XVIII веках, а также и в чествовании памяти русских святых, чтимых и болгарской церковью». Однако там же Б. Ст. Ангелов признает, что в XVII—XVIII вв. «русское проникновение в Болгарию усиливается». Появление в Москве книгопечатания несомненно увеличило приток русских книг на славянский юг, в особенности в Болгарию. «Всякий болгарин, посещавший Русь, старался принести оттуда на родину „московскую книгу“ — рукописную или печатную», — замечает Б. Ст. Ангелов (Из старата, стр. 191).

В Болгарии с середины XVI в. наблюдается заметное усиление воздействия славянорусского литературного языка на литературную письменную речь образованных болгар.³² Так, болгарский писатель середины XVI в. Матвей Грамматик, высоко образованный и начитанный, в частности в произведениях русского происхождения, в своем «Житии Николая Нового» (Софийского) признает воздействие на его труд «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, с которой он был знаком по русскому переводу. Воздействием именно этой книги Б. Ст. Ангелов (Из историята, стр. 298—299) объясняет «в значительной степени» наличие русизмов в языке Жития Николая Нового.

Об интересе некоторых болгарских книжников к изучению славянорусского языка в середине XVII в. свидетельствует запись на списке с печатного издания 1619 г. Грамматики Мелетия Смотрицкого.³³ Из этой записи видно, что копия была сделана в 1655 г. болгариним иеромонахом Стефаном Ловечским в столице Валахии Торговище, где Стефан обучался славянской грамматике у «священного даскала» Даниила. По предположению Н. М. Дылевского, под именем этого учителя следует подразумевать бывшего охридского архиепископа Даниила, которого после лишения его охридской архиепископии в 1650 г. видел в Торговище Арсений Суханов.

³² О русизмах в болгарских рукописях XII—XIII вв. см. в статье: Б. Ст. Ангелов. Из историята на руското книжно проникване у нас (XI—XIV век), стр. 53—55.

³³ Н. М. Дылевский. Грамматика Мелетия Смотрицкого у болгар в эпоху их возрождения. — ТОДРА, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 461—467.

«Даскал» обучал грамматике, очевидно, по руководству Мелетия Смотрицкого, поэтому его ученик сделал с него список. Вторая запись 1666 г. на рукописи показывает, по мнению Н. М. Дылевского, что сохранившийся список представляет копию списка 1655 г., сделанную в болгарском селе Вречеж. Таким образом устанавливается с несомненностью, что уже с начала второй половины XVII в. Грамматика Мелетия Смотрицкого служила для болгарских книжников главным руководством при изучении славяно-русского языка. Насколько в дальнейшем это изучение приводило к основательным результатам, видно, например, из того, что в середине XVIII в. видный болгарский литературный и церковный деятель Парфений Павлович сложил оду в честь Петра I на чистом славяно-русском языке того времени (Б. Ст. Ангелов. Из историята, стр. 316).

Однако для рядовых югославянских читателей славяно-русский литературный язык в XVI—XVII вв. становился все более трудно понимаемым. Различия между русским языком и югославянскими, заметные уже в XIV—XV вв., подтверждают и русские книжники, как это видно из отзыва Нила Курлятева, ученика Максима Грека, о языке митрополита Киприана. Русские источники называют Киприана «сербином», а его язык именуют «сербским». Новые данные позволяют П. Динекову утверждать, что Киприан был болгарин, родился в Тырнове в 30-е годы XIV в., происходил из той же семьи Цамблаковичей, из какой вышел и Григорий Цамблак. Это была одна из знатных болгарских семей XIV в. Хотя фамилия Цамблаковичи встречается и у греков, румын, сербов и албанцев, однако Киприан и Григорий произошли от болгарской ветви ее, что подтверждается наименованием Болгарии — «наше отечество» в похвальном слове Киприану Григория.³⁴ Нил Курлятев отметил отличия языка Киприана от славяно-русского не только в фонетике (причем иногда эти отличия он распространяет и на болгарское произношение: «а речи по нашему не замедли, а сербски или буде болгарски не замуди»), но и в словаре, перечисляя ряд слов, которые «нам (т. е. русским) не разумны — бохма, васнь, реснотивие, цещи, ашут и много таковых мы не разумеем ино сербски, а ино болгарски».³⁵ «Сербским» назвал в данном случае Курлятев среднеболгарское написание, поэтому его замечание должно быть отнесено к болгарскому языку Киприана, ученика Тырновской школы Евфимия.

Потребность «исправляти русские речи на свои еззык» выразил болгарин, переписывавший в 1633 г. русский текст «Книги бытия и земли». Он сознается, что взялся переписывать русский «извод», так как «не изобреташе въ то време сия книга въ нашеъ езъще».³⁶

По-видимому, еще более ощущали трудность русского языка в XVI в. читатели сербы, как об этом свидетельствует на сербском списке 1585 г. «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия запись писца, который называет себя «убоги Григорий», в схеме «Василий священноиннок». Он переписывал «книгу Иосипа премудрого иже от еврей» «в пиргу святого Сави в Кареах». Согласно «заповеди» св. Савы, этот «пирг» стал местом постоянного книжного труда: в течение ряда веков, начиная с середины XIII в., здесь списано много богослужебных и «четьих» книг.³⁷ Эта тра-

³⁴ Ср.: П. Динеков. Стара българска литература, втора част. София, 1953, стр. 86, 88—89.

³⁵ Йордан Иванов. Българското книжовно влияние в Русия при митрополит Киприан (1375—1406). — Известия на Институт за българска литература, кн. VI. София, 1958, стр. 30—31; о болгарском происхождении Киприана см. стр. 32—37.

³⁶ Рукопись библиотеки Хиландарского монастыря, № 307; см.: Б. Ст. Ангелов. Из историята, стр. 309.

³⁷ Джордже Сп. Радожичич. Стари српски књижевници XIV—XVII века. Расправе и чланци. Београд, 1942, стр. 44—45, 52—53.

диция, как видно из приписки схимника Василия, сохранялась и в XVI в. Писец сообщает, что он списывал «от рускаго извода, понеже не обрета- шесе сия книга Иосип нашимь сръбскимъ языкомъ ни в Светей горе в сръбскихъ монастырех, ни в сръбсцей земли, понеже много искахъ и испи- товахъ».³⁸ Приписка схимника Василия перекликается с послесловием руко- писи 1615 г. (ГПБ, Ф. I, № 763), добавленным сербским монахом Йовом, который переписал эту книгу «в ските лаврском на келии Дионисия ри- тора» для сербского Студенецкого монастыря на Афоне «настоянием Дамаскина еромонаха». Книга представляет собой список с русского текста «Беседы» Иоанна Златоуста на евангелие от Матфея. В предисловии к «Беседе», сложенном Селиваном, сподвижником Максима Грека³⁹ (пер- вый лист этого предисловия в сербской рукописи утрачен), вместо обра- щения к «русскому московскому народу» серб переписчик написал «сербскому народу», прямо определив, кому назначен его труд. В конце рукописи читается послесловие серба Йова, содержащее пространное витиеватое обращение к читателям сербам с извинением за ошибки, допу- щенные им по незнанию языка: «Извод, от кого писах, велми бе тежак, почто беше рускин рукопис, и аз невежда языку тому и велик труд подъех».⁴⁰

Не надо забывать, что даже более близкие русским по языку украинцы в XVI—XVII вв. «переводят» на свой литературный язык произведе- ния, созданные не только в Московской Руси в XV—XVI вв., но и в том древнерусском периоде, когда языковое единство будущих трех на- ций — великорусской, украинской и белорусской — еще не было нару- шено.

Некоторые трудности, связанные с тем, что живой болгарский и серб- ский языки все более отходили от того древнеболгарского, который послу- жил основой литературного языка старшего периода, а следовательно, и «русские речи» славяно-русского литературного языка становились не во всем понятными, не могли, однако, препятствовать проникновению русских литературных произведений на славянский юг. Список их, предложенный М. Н. Сперанским, в настоящее время может быть расширен прежде всего за счет оригинальных русских произведений XV—XVI вв.

1. На интерес сербских летописей к событиям русской истории конца XV—XVI вв., указывает акад. М. Н. Тихомиров.⁴¹ Сведения русских ле- тописей, воинских повестей и русского хронографа входят в сербские летописи (например, в сербской летописи середины XVII в. есть прямая выписка из русского Хронографа об освобождении «православных» от турецкого ига; см.: Б. Ст. Ангелов. Из историята, стр. 313) и хроно- графы; известны и отдельные списки русских исторических повестей XV—XVI вв. В старой сербской книжности были известны две редакции русского Хронографа XV в. — редакция 1512 г., с середины или конца

³⁸ Эта запись полностью впервые издана в книге: Порфирий Успенский. Пер- вое путешествие в Афонские монастыри и скиты в 1846 году, стр. 131; переиздание: Б. Ст. Ангелов. Из историята, стр. 303; ср. также. Е. В. Барсов. Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. I. М., 1887, стр. 214—215; см. также об этой приписке стр. 258—259 настоящего сборника.

³⁹ Текст этого предисловия по рукописи Антониева-Сийского монастыря конца XVI в., № 16—17, опубликован И. В. Ягичем в книге: Исследования по русскому языку, т. I. СПб., 1895, стр. 626—631.

⁴⁰ ГПБ, Ф. I, № 763; см.: Н. Н. Розов. Южнославянские рукописи Государ- ственной Публичной библиотеки, стр. 110. За сообщение сведений об этой рукописи приношу благодарность Н. Н. Розову.

⁴¹ Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в. — Славянский сборник. ОГИЗ, 1947, стр. 183—184.

XVI в., и западнорусская редакция — с XVII в.⁴² Среди рукописей Народной библиотеки имени В. Коларова имеется список русского Хронографа второй половины XVII в. [№ 774 (336)], который Д. С. Лихачев характеризует как «весьма интересный, где среди разнообразного литературного материала имеются и сочинения Ивана Пересветова».⁴³

II. В описании собрания Хиландарского монастыря значится список XVII в., содержащий «Сказание о Задонском бою и похвала великому князю Димитрию Ивановичу и брату его Владимиру Андреевичу». О том, что эта хиландарская рукопись перешла в коллекцию Порфирия Успенского, сообщил он сам в описании своего путешествия на Восток.⁴⁴ В настоящее время рукопись находится в составе собрания Порфирия Успенского (ГПБ, Q.IV, № 342). Данный текст представляет собой основную редакцию Сказания о Мамаевом побоище.⁴⁵ Судя по языку, это русская рукопись, привезенная на Афон. Югославянских списков Сказания о Мамаевом побоище пока не обнаружено.⁴⁶

III. Хотя болгарский перевод русской повести о взятии Царьграда турками в 1453 г. той «пространной» редакции, которая в послесловии одного списка приписывается Нестору Искандеру,⁴⁷ сохранился лишь от XVIII в., П. Динеков полагал, что повесть пришла к болгарам уже в конце XV—начале XVI в. Характеризуя болгарскую версию этой повести, П. Динеков отмечал, что она представляет собой свободную передачу русского оригинала: часть эпизодов пропущена (например, вся первая часть, рассказывающая об основании Царьграда), вставлены новые. В настоящее время в связи с выходом в свет статьи М. Н. Сперанского «Повесть о взятии Царьграда турками в Скифской истории А. Лызлова» П. Н. Динеков пересмотрел эту датировку болгарского перевода и относит его к XVIII в., выясняя исторические условия, оживившие интерес болгар к теме повести.⁴⁸

IV. Неясен источник сказания «О създании Цариграда в Византии», встречающегося в югославянских рукописях XVII в. (собрания Шафарика, 1619 г.; Белградской народной библиотеки, № 306, XVII в.) обычно перед повестью о взятии Царьграда турками. Б. Ст. Ан-

⁴² Джордже Радојичић. Српски рукопис Хронографа западноруске редакције. — Питања књижевностијезика. Књига четврта — свеска прва. Сарајево, 1958, стр. 187—190.

⁴³ Д. Лихачев. Отчет о командировке в Болгарию, стр. 457.

⁴⁴ Порфирий Успенский. Первое путешествие в Афонские монастыри и скиты в 1846 году, стр. 130. Недавно в печати напомнил об этой рукописи Порфирия Н. Н. Розов (Южнославянские рукописи Государственной Публичной библиотеки, стр. 109).

⁴⁵ Л. А. Дмитриев. Описание рукописных списков Сказания о Мамаевом побоище. — В кн.: Повести о Куликовской битве. Под ред. М. Н. Тихомирова. Изд. АН СССР, М., 1959 (серия «Литературные памятники»), стр. 487.

⁴⁶ Б. Ст. Ангелов в статье 1955 г. называет Задонщину в числе русских памятников, известных «балканским славянам» (см.: Език и литература, год X, кн. 1 и 2. София, 1955, стр. 123; Известия на Института за българска литература, книга трета. София, 1955, стр. 57), хотя и не указывает ее списков. В статье 1956 г. (Из историята, стр. 314) он ведет речь о хиландарской рукописи, по-видимому, той самой, которая позднее перешла в собрание Порфирия и в которой содержится не Задонщина, а Сказание о Мамаевом побоище. В Хиландарском монастыре Порфирий видел лишь один сборник с повестью о Куликовской битве, и эта повесть не имеет отношения к Задонщине.

⁴⁷ Вопрос о русских редакциях «пространной» повести и ее датировке до конца не решен, хотя, кроме исследования М. Н. Сперанского, в том же X томе ТОДРА он затронут в статье М. О. Скрипила «„История“ о взятии Царьграда турками Нестора Искандера» (стр. 166—177).

⁴⁸ Подробнее о болгарском переводе повести о взятии Царьграда см. статью П. Н. Динекова в настоящем сборнике, стр. 318—329.

гелов (Из историята, стр. 315) называет этот источник «оригинальным русским произведением» вслед за М. И. Соколовым, который отметил, что повесть «несомненно появилась впервые по-русски, и югославянские списки ее идут от русских оригиналов». ⁴⁹ Русский оригинал сохранил в югославянских списках характерные лексические русизмы. ⁵⁰

V. Во втором периоде значительно расширяется круг русских агиографических произведений, переданных на славянский юг. Культ русских святых был усвоен югославянской церковью, поэтому целые сборники русских житий привозили и переписывали и в Сербии, и в Болгарии. В собрании Крушедольского монастыря хранятся два русских сборника XVI в., где, кроме уже известных с XII—XIII вв. текстов житий Бориса и Глеба, Владимира, Феодосия Печерского, читаются также жития Авраамия Смоленского, Леонтия Ростовского, Михаила Черниговского, Сергия, митрополита Алексея и др. ⁵¹ В Хиландарском сборнике, № 211, болгарской редакции, XVI в., рядом с Хождением игумена Даниила читается текст «От жития светага Сергия чудотворца русаго о съставлении общаго житя» (Б. Ст. Ангелов. Из историята, стр. 299—300). Тропарь и кондак, прославляющие князя Владимира I, содержатся в рукописи Устава церковного XVI в. Библиотеки Румынской Академии наук, № 81 (Б. Ст. Ангелов. Из историята, стр. 304).

Рост интереса к русской агиографии обнаруживают сербские приписки конца XVII—начала XVIII вв. на сербском Прологе XIV в. Берлинской королевской библиотеки, № 38 (порядковый номер в Описании А. И. Яцимирского 47). ⁵² Часть этих приписок лишь называет имя святого и дату его смерти (Ефрем Новоторжский, Георгий Всеволодович, Кирилл Белозерский, Димитрий Переяславский, Всеволод-Гавриил, Федор Смоленский и его сыновья Давид и Константин, Евфимий Новгородский, Евфимий Суздальский, Нифонт Новгородский, Никита Новгородский, Феодосий Печерский), часть «памятей» дает очень краткий пересказ главных сведений о происхождении и деятельности святого (Павел Комельский, Михаил Клопский, Никита Новгородский, Иона митрополит Киевский, Антоний, Иоанн и Евстафий литовские мученики, Зосима Соловецкий, Стефан Пермский, Пафнутий Боровский, перенесение мощей Бориса и Глеба, Антоний Печерский, перенесение мощей Николая Марликийского). Только под 12 февраля вписано краткое житие митрополита Алексея, представляющее, видимо, извлечение из поздней обработки старшей версии жития Алексея, приписываемой епископу Пермскому Питириму. ⁵³ Выписки свидетельствуют о том, что серб не всегда хорошо понимал их русский источник; так возникло ошибочное чтение в житии Алексея «рода блгарска» вместо «болярска», «трудшиисе» вместо «тру-

⁴⁹ М. И. Соколов. Некоторые произведения Кирилла Туровского в сербских списках, стр. 236.

⁵⁰ М. Н. Сперанский. 1) Рукописи Павла Иосифа Шафарика (ныне Музея королевства Чешского) в Праге. — ЧОИДР. М., 1894, кн. 1, стр. 42; 2) Заметки о рукописях белградских и Софийской библиотек. — Известия Историко-филологического института кн. Безбородко в Нежине, т. XVI. Нежин, 1898, стр. 75—76.

⁵¹ Сава Петкович. Опис рукописа манастира Крушедола. Сремски Карловци, 1914, стр. 25—27; ср.: Б. Ст. Ангелов. Из историята, стр. 302.

⁵² А. И. Яцимирский. Описание южнославянских и русских рукописей заграничных библиотек, т. I. — СОРЯС, т. 98. Пгр., 1921, стр. 380—381. Приписки были изданы А. И. Яцимирским в 1916 г. в статье: Мелкие тексты и заметки по старинной южнославянской и русской литературе. LXXIII. — ИОРЯС, т. XXI, кн. I, стр. 205—209. В статье Б. Ст. Ангелова (Из историята, стр. 308) в шифре этой рукописи опечатка: 48 вместо 47, а библиотечный ее номер 38 не назван.

⁵³ См.: Н. Барсуков. Источники русской агиографии. СПб., 1882, стлб. 29—30.

дишице» (в других «памятях»: «паприць», «Перослава Зеленского» вместо «Переяслава Залесского» и др.). Язык приписок ярко окрашен фонетическими и морфологическими сербизмами, но лексика русского источника сохранена.

Об основательном знакомстве с русской агиографической литературой, с событиями русской истории конца XV—первых десятилетий XVI в., в частности со спорами о монастырском и вообще церковном землевладении, свидетельствует литературная деятельность Аникиты Льва, подписывавшего свои сочинения именем «Филолог черноризец». Серб по происхождению, монах одного из сербских монастырей, он между 1534 и 1560 гг. написал ряд сочинений, широко известных в русских списках: два слова похвальных Зосиме и Савватию соловецким (по просьбе соловецких монахов, переданной через инока этого монастыря Богдана, который и привез на Русь оба произведения), слово на память Михаила и Федора черниговских; ему же предположительно приписывается одна из версий жития Иосифа Волоцкого. Надо думать, что для этой работы на славянский юг было привезено старшее русское житие Зосимы и Савватия, сложенное еще в XV в. учеником Зосимы Досифеем и правленное низложенным митрополитом Спиридоном.⁵⁴ Не выяснены источники, на основе которых тот же «Филолог черноризец» — Лев Аникита написал житие Иосифа Волоцкого.⁵⁵ Уточнение их показало бы, что из русской литературы, связанной с событиями жизни и деятельностью Иосифа Волоцкого, в частности из сочинений самого Иосифа, к середине XVI в. было известно на славянском юге.

К числу агиографических произведений, сложенных на Руси по югославянским источникам, целиком или частично использовавших их, а затем перенесенных на славянский юг, относится «мучение» Георгия Нового болгарского, написанное псковским иеромонахом Ильей в 1539 г. Литературные источники этого произведения выяснены А. И. Яцимирским, который издал его по сборнику молдавского письма тырновского правописания собрания Ф. Гепецкого. Список XVII в. этого жития есть в собрании сербского Хиландарского монастыря (№ 327).⁵⁶

VI. Хотя большинство апокрифов, известных в русских текстах, пришло на Русь в югославянских переводах, но индексы книг «истинных и ложных», очень редкие на славянском юге в старшем периоде, позднее появляются здесь в копиях с русских оригиналов и воспроизводят русские добавления к первоначальным переводным перечням. Сербский («или книжный ресавский») текст статьи о книгах истинных и ложных по рукописи Рыльского монастыря XVII в., № 78, списан с русского оригинала.⁵⁷ Однако, как справедливо замечает в другой статье этот исследователь, более полное привлечение списков индекса, русских и болгарских, необходимо «не только для классификации всех списков индекса, но и для ре-

⁵⁴ Там же, стлб. 486—487.

⁵⁵ С. В. Иванов. Кто был автором анонимного жития пр. Иосифа Волоцкого. — Богословский вестник. Сергиев Посад, 1915, сентябрь, стр. 173—190. Сопоставление некоторых взглядов автора жития с сочинениями Иосифа Волоцкого и Ермолая-Еразма см. в статье: Н. А. Казакова. Крестьянская тема в памятнике житийной литературы XVI в. — ТОДРА, т. XIV, 1958, стр. 242—246.

⁵⁶ А. И. Яцимирский. 1) Из истории славянской проповеди в Молдавии. СПб., 1906, стр. LXXIV—LXXVIII, 99—109; 2) Мелкие тексты и заметки по старинной славянской и русской литературам. — ИОРЯС, т. XIII, кн. 2. СПб., 1908, гл. LIV, стр. 168—171. Подробнее об этом житии см. статью П. Н. Динеева в настоящем сборнике, стр. 318—329.

⁵⁷ А. И. Яцимирский. Мелкие тексты и заметки по старинной славянской и русской литературам. — ИОРЯС, т. XIII, кн. 2, гл. LVI, стр. 191—195.

шения вопроса о русском или болгарском происхождении наиболее полной редакции индекса». ⁵⁸

Повесть «о панагии», связанная с легендами об успении богородицы, в сербском списке Сербской Академии наук, № 312, воспроизводит русский текст. ⁵⁹ К русским текстам восходят, по наблюдениям А. И. Яцимирского, югославянские поздние списки «Слова Ефрема Сирина о приношении сниреч о пречистых таин», ⁶⁰ передающего легенду о том, что язычник или сомневающийся христианин видит во время литургии не хлеб и вино, а живого младенца, которого закалывает диакон.

VII. Рассматривая вопрос о переходе древнерусских литературных памятников на славянский юг, исследователи указывают три основных пути, на которых сближались культуры восточных и южных славян: Константинополь, Афон и придунайские области. Именно в последнем районе отмечено общение «балканских славян» не только с Московской Русью, но и с Украиной. Уже с конца XV в. известны факты, подтверждающие, что в области среднего Дуная происходило общение с украинскими книжниками сербов. Так, два переписчика — дьяк Елисей из Подольского Каменца и Андрей из Санока — в 1490 и 1513 гг. переписывали в одном из городов этой области церковные книги для сербов. По-видимому, выходец из Закарпатской Руси Василий Никольский в 1511 г. по указанию сербского феодала Стефана Якшича (через сестру Анну бывшего в родстве с Еленой Глинской, матерью Ивана IV) написал полемическое богословское сочинение на славяно-русском языке, известное и в сербском списке. На Афоне для сербов поработал в первой половине XVI в. святогорский прот Гавриил (Мстиславич), русский по происхождению. Он перевел на сербский язык с греческого «Историю монашества на Афоне», написал Житие Нифонта, на сербском языке вел переписку с венгерским королем Иоанном Заполей, славянином по происхождению. В одном из писем Гавриила, касающемся Лютера и его учения, содержится пересказ широко известной в русской письменности легенды о папе римском Петре Гугнивом. В конце XVII в. украинец Самуил Бакачич перевел с греческого языка на сербский сборник поучений «Магнит духовный», сборник легенд Агапия Критянина «Грешных спасение», собрание поучений Дамаскина Студита «Сокровище» и полемическое сочинение украинского писателя Иоанникия Галатовского «Мессия Правдивый». ⁶¹

Приведенные факты общения между украинскими и сербскими книжниками напоминают об одном из путей, какими проникали в Сербию памятники древнерусской и украинской литературы. В сборнике Шишатовицкого монастыря читается апокрифическое «Сказание Афродитиана о бывшем чудеси в Первьстей земли». Этот апокриф не ранее второй половины XIV в. был переведен и в Сербии (известны русские списки этого перевода от XV—XVI вв.), однако Шишатовицкий текст идет не от этого перевода: он полностью совпадает с двумя украинскими текстами XVI в. Сказания, восходящими к древнерусскому переводу, сделанному не позднее XIII в., и читается, подобно им, в составе сборника «слов» и поуче-

⁵⁸ А. И. Яцимирский. К истории апокрифов и легенд в южнославянской письменности. — ИОРЯС, т. XIV, кн. 2. СПб., 1909, гл. II, стр. 281 (здесь изданы тексты индекса по спискам XIV и XVII вв.).

⁵⁹ Там же, гл. V, стр. 312.

⁶⁰ А. И. Яцимирский. К истории апокрифов и легенд в южнославянской письменности. — ИОРЯС, т. XV, кн. 1. СПб., 1910, гл. IX, стр. 16.

⁶¹ Свод данных о деятельности русских и украинских книжников в Сербии см. в статье Дж. Сп. Радоичича «Стари српски писци руске народности (од краја XV до краја XVII века)» (Годишњак филозофског факултета у Новом Саду, књига V, 1960, стр. 199—218).

ний типа Торжественника. В отличие от всех остальных русских, украинских и сербских текстов Сказания Шишатовицкой и оба совпадающих с ним украинских списка представляют собой интерполированную редакцию апокрифа. Обычный его текст в данной редакции разрезан вставкой, которая в ином изложении повествует о том, что, согласно древнему тексту, было записано на «золотых досках» о путешествии волхвов к новорожденному Христу. Эта вставка была сделана, судя по ее лексике, по русским источникам, вероятнее всего, по тем словам «на рождество Христово», которые были построены на различных рассказах о поклонении волхвов, в том числе использовали и Сказание Афродитиана. Дополненная на Руси, редакция Сказания переписывалась в XVI в. украинскими книжниками, лишь очень слабо отразившими в ней черты украинского языка. Сербский список в точности повторяет эти украинские тексты,⁶² но ярко окрашен фонетическими и морфологическими сербизмами. Однако лексика старого русского перевода сохранена в нем неизменной, повторены и русизмы вставки. Таким образом, путь от древнерусского перевода Сказания Афродитиана через интерполированную русскую редакцию и украинские ее списки к сербскому Шишатовицкому сборнику устанавливается вполне отчетливо.⁶³

VIII. Нередки в югославянских списках XVI—XVIII вв. и сочинения переведенных на Руси произведений религиозно-учительной и патристической литературы.

Сочинения Иоанна Златоуста в переводе сподвижника Максима Грека Селивана (Силуяна), инока Троице-Сергиева монастыря, в сербских списках известны по рукописи собрания Гильфердинга, № 36, XVI в., найденной в Герцеговине, и по рукописи 1615 г., переписанной на Афоне для сербского Студеницкого монастыря с русского оригинала (см. выше, стр. 20 о записи писца этой рукописи — ГПБ, Ф. I, № 763).⁶⁴

В небольших монастырях северной Далмации среди рукописей, в большинстве богослужебных, хранится некоторое количество книг четьих, религиозно-учительного содержания, частью русских, частью списанных с русских оригиналов. Описывая их, В. А. Мошин и М. Радек отмечают «болгарский или русский извод» Лествицы XVI в. (рукописи монастыря Крка, №№ 27, 133). В Задаре были обнаружены русские списки XVIII в. сочинений Симеона Нового Богослова, Никиты Студита и Василия Великого (рукописи монастыря Крка, №№ 110, 111, 112).

Из переводных светских сочинений в монастыре Крка оказался «русско-словенский извод» Сказания на Александра цара како прежде много землю и поклонился Саваоту богу Иерслим» (№ 30, 122, XVIII в.).

Русская богословская литература XVII—начала XVIII вв. представлена в монастырских библиотеках северной Далмации сочинениями Дмитрия Ростовского в списке 1719 г. [Крка, № 48, 548 (116)],⁶⁵ русским списком

⁶² Сербский список издан: St. Novosovič. Afroditijana Persijanca griča o rođenju Hristovu. — Starine, kniga X. U Zagrebu, 1878, стр. 72—89. Текст издан с вариантами по публикации Тихонравова. Издатель не дает точной датировки сборника, приводя лишь вкладную запись XVIII в. Однако неизвестно, современна ли эта запись самой рукописи.

⁶³ Подробнее о данной интерполированной редакции Сказания см. в статье: В. П. Адрианова-Перетц. Из истории русско-украинских литературных связей в XVII в. (украинские переводы «Хождения» игумена Даниила и «Сказания Афродитиана»). — В кн.: Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961, стр. 268.

⁶⁴ Н. Н. Розов. Южнославянские рукописи Государственной Публичной библиотеки, стр. 107, 110.

⁶⁵ По сообщению Д. С. Лихачева, в библиотеке Рыльского монастыря хранится ряд сочинений Дмитрия Ростовского, в том числе его Четьи Миней.

полемических сочинений, написанных в защиту противопротестантского трактата Стефана Яворского «Камень веры», — «Возражение на пасквиль Лютера нареченный Молоток на книгу Камень веры» и «Лютеранский пасквиль на книгу Камень веры» (Крупа, № 50, II). В сборнике № 55, 410, XVIII в. (Крка), содержится статья «Заповеди божи... словеса кир Иоакима, патриарха московского» и два русских Помянника, изданные при патриархе Адриане в конце XVII в. и при Петре I, с записями от 1705 до 1716 г. (№№ 57 и 58).

В библиотеке Задара нашелся и русский список Лечебника XVIII в. (№ 114).⁶⁶

Как видно из обзора памятников русской литературы, обнаруженных к настоящему времени на славянском юге в рукописях с XII по XVIII вв., приток их происходил на протяжении всего этого периода. Насколько интенсивен был этот приток на каждом отдельном этапе его, судить трудно, так как сохранившиеся югославянские рукописи далеко не покрывают объема всей существовавшей там книжной продукции. В особенности пострадали книжные богатства в Болгарии в века турецкого ига, в годы преследования болгарской церкви греческими фанариотами. Не случайно поэтому ряд произведений, несомненно существовавших в Болгарии, дошел только в сербских списках, и лишь внимательный анализ языка этих списков открывает в них иногда следы болгарских оригиналов.

Не только степень воздействия русской литературы и письменности на культуру южных славян определяется весьма приблизительно по наличному составу югославянских рукописей местных и зарубежных древлехранилищ. Еще труднее во многих случаях с точностью хотя бы до ста лет датировать усвоение русского произведения на славянском юге и установить, в какую из двух письменностей — болгарскую или сербскую — данный русский памятник перешел раньше. Для многих названных в нашем обзоре памятников оба вопроса — времени и места включения русского произведения — остаются еще не решенными. В ряде случаев не выяснено, в каком именно виде в югославянскую письменность вошел тот или иной русский памятник. Например, глухо говорится, что в сербских летописях и хронографах имеются выписки из русских исторических произведений, однако, кроме русского Хронографа, не называются определенно другие исторические источники сведений по русской истории. Неясно, какая именно версия жития Сергия дошла до южных славян — Епифания Премудрого или Пахомия Серба; не уточнены сведения и о других агиографических произведениях, перешедших на славянский юг, и т. д.

Меньше всего разработан вопрос о том, как происходило освоение русских произведений югославянской рукописной традицией: еще не выделены случаи, когда данный текст оставался только в привезенной на юг русской рукописи или в сделанной для болгар или сербов русским писцом копии (например, есть ли югославянские списки с русских сборников житий XVI в., хранящихся в книжных собраниях славянского юга?). Вопрос о работе русских писцов в книжных центрах балканских славян и на Афоне для них же заслуживает внимательного изучения.⁶⁷

⁶⁶ Vladimir Mošin i Milan Radeka *Ćirilski rukopisi u sievernoj Dalmaciji*. — *Starine*, kniga 48. Zagreb, 1958, стр. 196, 197, 199—201, 210, 214, 215.

⁶⁷ Е. Спространов (Опис на ръкописите в Библиотеката при Рилския манастир. София, 1902, стр. 24, 71—72) отметил несколько рукописей монастырской библиотеки, сохранивших имена русских переписчиков XVIII и XIX вв.; см. также: Д. С. Лихачев. Отчет о поездке в Болгарию, стр. 459.

Не исследована во многих случаях работа югославянских писцов над русским текстом. Между тем на основании уже изученных (особенно в статьях М. Н. Сперанского) произведений мы знаем, что иногда над русскими текстами производилась целенаправленная редакторская работа: перестраивалась композиция, вводились новые эпизоды (например, в повести о взятии Царьграда турками), русский текст «переводился» на «наш език», как пишут болгарские и сербские писцы XVI—XVII вв., или, хотя, может быть, и в меньшей степени, переделывали для своего читателя славяно-русский литературный язык писцы и более раннего времени. Наконец, далеко не всегда ясны причины интереса к отдельным произведениям, переносимым в югославянскую письменность из русских рукописей.

Таким образом, дальнейшее изучение объема и характера воздействия русской литературы и письменности на югославянские следует вести по двум направлениям: 1) продолжать выявление в рукописных собраниях югославянских рукописей, восходящих к русским оригиналам, и русских рукописей, перенесенных в югославянские книгохранилища в XII—XVIII вв.; 2) всесторонне исследовать каждый отдельный памятник, вошедший в югославянскую литературу и письменность из русской рукописной или старопечатной традиции. Сборник статей акад. М. Н. Сперанского дает поучительные образцы таких исследований, приводящих к убедительно обоснованным заключениям о том, как протекало в каждом отдельном случае освоение южными славянами русской литературной культуры.
